

Р175247

Гитлеровцы
несут нам горе,
мучения и смерть

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1 9 4 2

ГИТЛЕРОВЦЫ НЕСУТ НАМ ГОРЕ, МУЧЕНИЯ И СМЕРТЬ

*Рассказы жителей
советских районов,
освобожденных
от немецких оккупантов*

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1942

ГРАБЯТ, НАСИЛУЮТ, ИЗДЕВАЮТСЯ

Рассказ Тороповой Анны Ивановны, сестры детских яслей, из деревни Ефимоново, в 5 километрах от г. Истры

25 ноября немцы заняли нашу деревню. Как вошли, прямо пошли по окопам, где скрывалось население. Первым делом требовали спички, керосин, лампы, затем под град пуль выгнали всех женщин с детьми вон из убежищ, а сами зашли туда, начали забирать все, что там было: продукты, вещи, всякого вида холодную и теплую одежду, даже детское белье. Брали все. Затем заставили итти в дом, чтобы прислуживать им.

Сами хозяйничали. Резали кур, коров, овец. Жарили. Нас заставили таскать воду, греть печи. Большая орда сидела за столом, били вшей тут же. Заставили нагреть воду, при нас раздевались голыми. Когда мы больше не были нужны, снова выгнали из дома. На руках с ребенком я пошла в убежище. Спустилась туда. За мной спустился один из этих животных и пристал ко мне. Я решила лучше умереть, чем отдаться этому негодю. К счастью, там была одна пожилая женщина и заступилась за меня. Это избавило меня от надругательства, я убежала. Когда он ушел, я снова вернулась в убежище. Там находились четыре женщины и четверо детей. Дети плакали, и вместе с ними страдали мы. На утро опять заставили итти прислуживать немцам. Делали все, что заставляли: целый день без разгиба на морозе стирали белье, чистили картошку. А на ночь нас загнали в холодный сарай и стали опять грабить. Снимали

с детей ватные одеяла, с женщин пальто, воротники, валенки, варежки. Все, сволочи, одевали на себя. Утром, после мучительной ночи, опять погнали на работу. Перед нашими глазами расстреляли трех красноармейцев. Сняли с них валенки и шапки, надели на себя. Раненого красноармейца, не успевшего отступить с нашими частями, доби́ли в сарае.

На третью ночь согнали нас всех в один дом, где почевали раньше немецкие солдаты и где солома кишела вшами. Когда мы стали засыпать, дом подожгли. Поднялся страшный крик, женщины бросились к дверям, давили друг друга. На эти крики немцы ответили смехом. Думали — сгорим заживо. Но нам удалось выбраться из дома.

Утром дали приказ: покинуть деревню, кто не уйдет, будет расстрелян. Дали направление в тыл к ним. Трудно было выбираться. У некоторых было по 4—5 детей. Нашли плохую лошадь, так как хороших всех они забрали. Но и этого показалось им много. Подошли два солдата, выпихнули наших ребят из саней, отобрали лошадь. У некоторых были санки — отбирали и санки.

Мы спешно, без всего, покинули деревню. Тронулись, но не по направлению в тыл к врагу, а в лес. Решили лучше умереть, чем быть у этих гадов, у которых нет жалости ни к старикам, ни к детям. В ту ночь они изнасиловали женщину 50 лет на глазах у ее 70-летней матери.

Отправились в лес. Шли с трудом, тащили на себе ребят, некоторые везли их в корытах; дети изнемогали, плакали, побольше — шли сами. В лесу собрались жители 15 деревень. Среди нас были две беременные женщины, им пришлось рожать прямо в лесу, на снегу. Их дети погибли. Да и так много детей погибло от мороза и от голода. У некоторых было немного мерзлой картошки, а у нашей

семьи было немного ржи, которую парили на костре. Три женщины из Истры решили пойти в деревню и раздобыть что-нибудь поесть. С ними пошли два мальчика. Их не допустили в деревню и расстреляли на окраине. Пять подростков тоже попытались сходить в деревню, и их расстреляли.

Мужа и сына моей соседки немцы заставили везти их пушку. Когда они довели до станции Фаmienки и обессилели, их расстреляли.

Восемь суток мы прожили под открытым небом. Потом мы услышали бой. Это шли красные части. Когда красноармейцы пришли, что тут было! Женщины со слезами радости обнимали и целовали своих освободителей и тут же давали слово помогать в освобождении всех так же страдающих, как мы. Красноармейцы и командиры помогли нам донести ребят в деревню. Пришли в деревню и не узнали ее. Из сорока домов осталось восемнадцать, а в других деревнях не осталось и этого. В уцелевших восемнадцати домах двери были сорваны, рамы выбиты, все разрушено. У кого осталась рожь—облита керосином или высыпана в навоз, чтобы нечем нам было кормиться. Мебель была изрублена топорами, посуда разбита, ценные вещи все взяты. Все пусто, все обобрано этими варварами.

Мы дали слово красноармейцам мстить этим гадам, помогать отплатить за наших погибших товарищей, за наших ни за что расстрелянных советских людей.

ЭТО НЕ ЛЮДИ, А ЗВЕРИ

*Рассказ Владимировой Елизаветы Алексеевны,
работницы артели швейников, г. Истра*

Немцы вступили в наш город в 4 часа утра 26 ноября. Когда отступали последние красные части, я с детьми и с пятью другими семействами

пошла с нашими частями. Шли мы с детьми под обстрелом. У одной из наших гражданок была даже корова, три козы. Шли между красноармейцами, которые нас предохраняли от немцев. Сами красноармейцы некоторые падали раненые. И мы все-таки двигались, продолжали двигаться. Но дети, так как было холодно, обессилели. Мы дошли до деревни Хованское и остановились в школе. Нас приютили две учительницы: затопили печь, обогрели нас с детьми.

Настало утро. Дальше уже идти мы не могли. Изнемогли. Также и дети. Решили как-нибудь устроиться здесь. До этого учительницами было начато убежище, но не закончено... Оно было заполнено замерзшей водой. И вот мы своими силами, женщины и дети, начали доделывать это убежище. Мы кололи лед, вычерпывали воду. С нами было двое мужчин. Но какие мужчины — 17 лет парнишка и 60-летний старик. Мы достроили убежище и укрылись в нем. В ночь как раз началась стрельба. Было что-то ужасное! Разрывались снаряды прямо над нашими головами. Летали аэропланы, сбрасывали бомбы. Мы думали, что живыми вообще не выйдем отсюда, останемся в своем убежище, которое рыли для себя.

Просидели полтора суток под большим огнем. Потом стало затишье, и мы решили выйти. Первым выбежал один мальчик и увидел, что идут немцы. Мы, конечно, очень перепугались. Когда подошли к нам четыре немца и спросили: кто здесь — вольные или солдаты, мы ответили — вольные. Скомандовали: «Руки вверх!» Мы вышли все. Вышли мы все грязные, так как за полтора суток глина оттаяла, и все ребята были в глине, и сами тоже в глине. Спросили нас, откуда мы. Мы ответили, что из Истры. Они дали направление идти обратно в Истру. Срок дали 15 минут сбора.

Волоколамск. Фашистские стервятники с бреющего полета расстреливали мирное население

Мы собрались и пошли в Истру. В Истру было трудно идти, так как немецкие машины следовали всюду. Гудков нам не давали. Нам приходилось соскакивать с дороги по пояс в снег. Километрах в шести от г. Истры нас загнали в церковь, где уже было несколько сот человек. Были слышны стоны и плач детей. Но рядом была школа. Нам передали, что в школе не так много народа. Мы перебежали и эту школу. И в этой школе мы перепочевали. Утром нас погнали опять в город. И вот, дойдя до города, встречаем знакомых. Говорят, что в нашем доме стоят немцы. Нас, конечно, взял ужас: как войти в дом, раз там немец. Но все-таки пришлось войти. Немцев не было, но было страшно взглянуть на квартиру. Все было разбросано. На столе стояла посуда после ихней гулянки: бутылки из-под рома, банки из-под консервов, и в заключение всего на кровати стояла тарелка тертой картошки и рядом тарелка с г... Либо немец не знал в уборную куда сходить, либо ему лень было. Сделал в тарелку и поставил на кровать. Очень культурно!

Утром следующего дня нам стали говорить, что за водой не ходите поодиночке. Мы собирались человек по пять — боялись немцев.

На вторую ночь, в 10 часов вечера, к нам постучались. Мы пошли вдвоем открыть дверь. Вошел к нам немец. По его одеянию видно было, что это офицер. Осветил нас всех фонарем. Стал что-то по-своему говорить. И уходит. Мы пошли за ним закрывать. Моя подруга шла впереди, а я — позади. Он оттолкнул меня в грудь руками: я осталась в доме, а подруга осталась на улице.

В этот вечер она нам ничего не сказала, что было с ней, но утром она сказала, что нужно нам спасать детей. У меня была дочь 15 лет и у нее племянница тоже 15 лет. И вот с этого дня мы

начали переживать за своих дочерей, чтобы они не достались в лапы таким извергам.

Двери закрывать почти не приходилось. Приходило ежедневно по 20—30 немцев. Перебирали вещи. Что им нравилось — брали. Даже смешно: брали детские игрушки елочные, будильники, белье, ну все, что им нравилось, то и брали.

Еще в нашем доме также были две изнасилованные женщины. Немцы не посчитались, что рядом с ними спали дети.

При немцах мы не жили, мы страдали.

Когда стал отступать немец, он выгнал весь город на улицу и говорил нам:

— Уходите!

Мы спрашивали:

— Куда уходить?

Он говорит:

— В наш тыл!

И со свистом нас гнал за город. Когда нас загнали за город, мы разбрелись по лесу. Я со своими детьми ночевала в снегу. В эту ночь горел город, подожженный немцами. Мы укрылись в щели. Пробыли там двое суток.

14 декабря утром стало тихо. Мы стали выглядывать из щелей и присматриваться, прислушиваться, кто здесь — немцы или красные. Дети наши увидели издали идущий народ и почему-то почувствовали, что это наши, красные, и крикнули:

— Это наши красноармейцы!

Мы, женщины, стали предостерегать их и говорить: подождите, может быть, это немцы. Они говорят:

— Нет, это красные! — и побежали, утопая в снегу, навстречу нашим красным бойцам.

Издали мы видим, что наши дети обнимают красноармейцев, у нас навернулись невольные слезы радости. Мы встречали их так, как будто своих

родных сыновей или матерей, которых не видели лет по 20—25.

Мы уже не пошли больше в убежище. Двое суток мы провели вместе с красноармейцами, хотя стрельба была ужасная.

И вот, товарищи, что я могу только сказать о немцах. Это не люди, а, как говорится, звери в образе человека.

ОНИ НЕ ЩАДЯТ НИКОГО

Рассказ Мазурина Михаила Дмитриевича, колхозника из деревни Осипово, Вертинского сельсовета, Солнечногорского района, Московской области

Зашли немцы в нашу деревню 23-го числа. Как показались на краю деревни, увидели нашего мужика, дали по нему очередь и расстреляли. Потом обстреляли деревню Загорье, попали в дом колхозника Филиппова, самого хозяина убили, жену его ранили. Потом разошлись по домам, стали грабить все. Резали кур, гусей, искали сало, мед. Что попадало под руку — забирали. Резали коров, искали муку. Если находили, то увозили с собой. А также тащили все домашние вещи: валенки, тулупы, полушубки, одеяла, простынки — все, вплоть до детских испачканных пеленок.

В селе Напельско взяли учительницу, допросили ее, увели и убили. В селе Новое зоотехника Вербенева с детьми посадили немцы в подвал. Они сидели там несколько дней не евши и не пивши. Заболел младший ребенок и умер. Подростка Желнакова Мишу застрелили за то, что он хотел уйти в убежище. Мать просила его тело домой, но ей так и не дали.

Детей и женщин выгнали из домов, и они днем и ночью находились или во дворах, или в снях.

В деревне Осипово сожгли дом председателя колхоза. В деревне Вертино сожгли дом председателя сельсовета. В деревне Сергеевка сожгли два дома колхозников и постройки колхоза. Так вот, товарищи, вы видите, что из себя представляет немецкий всяка. Это настоящий бандит, это настоящий вшивый гад!

Женщин они заставляли топить печи, таскать и греть им воду. Сами, не стыдясь ни перед кем, ни перед детьми, ни перед женщинами, раздевались догола, искали и бросали вшей прямо на пол.

Раньше тот, кто не верил у нас, что гитлеровцы такие люди, теперь на собственной своей шкуре убедились, что представляют из себя вшивые гады. Наша задача — лучше работать, лучше помогать Красной Армии. В этом, товарищи, залог нашей победы над врагом.

ОНИ НАС НЕ СЧИТАЮТ ЗА ЛЮДЕЙ

Рассказ Новыш Анны Петровны, учительницы села Рождествено

Мне пришлось испытать нашествие немецких бандитов, которые вторглись в нашу прекрасную любимую страну.

В день прихода немцев население нашего села ютилось в окопах, потому что сидеть в домах было невозможно, так как все время шел ураганный огонь. Когда пришли фашисты, они сразу начали проявлять свое звериное лицо. Они отбирали в окопах все, что люди приносили с собой: отбирали продукты, теплую одежду, обувь, снимали женское пальто, платки — все, что только можно было. Окопы просматривались ими неоднократно. Первая часть просмотрит, через некоторое время идет другая.

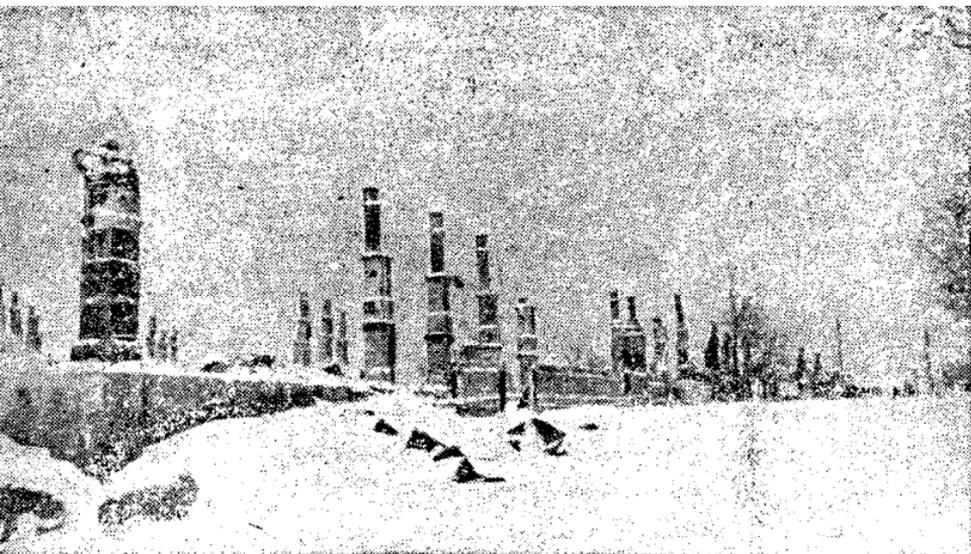

Город Истра, сожженный немецкими оккупантами. Снимок

Вскоре население из окопов выгнали. Немцы приспособивали эти окопы для своих надобностей, для стрельбы. Я укрылась в подвале, где находилось сорок человек. Было очень много маленьких детей. Немцы решили приспособить подвал для военных целей и стали выгонять нас вечером на мороз, холод. Одна мать не могла быстро вывести сразу всех своих четверых детей из подвала. Фашисты схватили двухмесячного ребенка за ноги и выбросили на снег. Мы вышли на улицу. Кругом пламя пожаров, мороз, дети зябнут, плачут. Мы не знали, куда идти. Вдруг кто-то сказал, что неподалеку есть сарай. Мы поспешили в него, но сарай от холода не защищал. Сидим, мерзнем. Приходит немец:

— Рус, уйди.

Мужчина, который сидел недалеко у дверей, замешкался. Немец выстрелил в него и ранил. Жена раненого взяла его на салазки и повезла куда глаза глядят. Везла она по направлению к Снегирям. По дороге немцы остановили ее, отобрали сани.

сделан на следующий день после изгнания гитлеровцев

Она доказывала, что человек истекает кровью, не может идти. Но немцы сбросили человека на снег, забрали санки и ушли. Женщина взяла мужа на плечи и донесла до первой попавшейся избы. Там он вскоре умер. Другому мужчине, молодому парню, немцы выкололи глаза.

Немцы поступали очень жестоко с населением. Они заставляли работать на себя, таскать воду, дрова, солому. Приказания отдают по-немецки. Люди не понимают, а они их бьют за это. Гражданина Давыдова избили, потом разули, сняли с него валенки и заставили рыть для себя могилу. Старого, глухого колхозника Майорова немцы застрелили за то, что он был в красноармейском шлеме. Старика Севрюкова немцы застрелили за отказ указать, где прячутся раненые красноармейцы. Жене красноармейца Шмыгиной немцы пустили пулю в рот. Она умерла, оставив маленького ребенка.

Ох!.. Трудно описать безобразия, которые творили немцы. В нашей деревне гитлеровцы были шесть дней. Эта вшивая банда расправлялась с населением.

Всем немцы стараются показать, что ты не человек, а раб. Это страшно. Очень страшно быть рабом такой паршивой скотины, как гитлеровцы. Жутко было смотреть на эти отвратительные рожи, которые нас не считают за людей. И у меня были минуты, когда хотелось умереть. Лучше умереть от пули, от снаряда, чем находиться под ярмом этих фашистских варваров.

Мы, сидя в сараях и окопах, голодали, утоляли свою жажду снегом и льдом. Дети все время просили есть. Мы делились всем, что удавалось достать. Положение было очень тяжелое. Мы потеряли счет дням, мы не знали чисел, нам казалось, что муки наши продолжаются вечность...

Вы можете представить себе радость, когда прибегают люди из соседнего окопа и кричат:

— Граждане, вы еще живы? Вылезайте! Ведь наши, красные пришли!

Людей как ветром выдуло из окопов и сараев. Слезы радости катились из глаз. Хотелось увидеть скорей красноармейцев, расцеловать наших воинов, избавивших нас от фашизма.

Чувство радости горело в каждом. Мы снова стали советскими людьми! Мы снова стали свободными гражданами советской страны! Кошмарная темная ночь прошла, и над нами снова взошло солнце!

И вот, товарищи, благодаря нашей доблестной Красной Армии, благодаря коммунистической партии, которая выпестовала эту Красную Армию, мы избавились от ига фашизма.

Наша задача заключается в том, чтобы помочь Красной Армии. Вы знаете, что мы все любим Красную Армию, но теперь надо еще больше ей помогать. Мы должны вместе с нашей Красной Армией разгромить свору бандитов — гитлеровцев, которые безжалостно расправлялись с мирным на-

селением, которые насильовали молодых девушек, которые уничтожали стариков, которые расстреливали наших детей. Нужно мстить, мстить и мстить! Нужно истреблять всех фашистов до последнего! Не щадить врагов, так же как они не щадили нас!

ФАШИСТЫ НЕСУТ НАМ ГОРЕ, ГОЛОД, НАДРУГАТЕЛЬСТВА

*Рассказ колхозника Торина Федора Прохоровича
из деревни Клушино, Солнечногорского района, Московской
области*

Хочу рассказать, что я видел с 20 ноября 1941 года по 10 декабря 1941 года, когда на нашей территории были гитлеровцы.

При занятии гитлеровской бандой нашей деревни все их солдаты разошлись по домам. Тут они, как голодные собаки, стали искать сало, мясо, хлеб, теплые вещи, посуду и даже иголки. Забирали все: дамское, мужское, детское платье, обувь. Все тащили, черти вшивые, и отправляли своим бабам.

Организовали пьянку, стали пить вино, стали резать коров, овец, рубить курам головы, жарить поросят и свиней. Колхозников всех выгнали из домов. Кто сумел, тот ушел в лес, а кто не ушел, залез в щели. Вечером пьяные немцы стали ходить по щелям и искать девушек. Ходят и кричат: «Девы, девы, где же девы!» Но девушки ни одной не было: они все убежали в лес. Тогда пьяная банда нарвалась на трех женщин: гражданку В. из деревни Ржавки, гражданку Ш. из деревни Клушино, беременную гражданку Т. из деревни Клушино. За Т. вступился было брат-инвалид, но брата избивали до полусмерти. К утру озверелые банды пошли вновь по домам. Наткнулись на Волкова

Дмитрия Григорьевича, запрягли его вместо лошади и повозку с продовольствием и заставили везти. Но он не смог. Тогда его сбили с ног и стали бить пинками и прикладом.

Четыре дня колхозники сидели в щелях без пищи, стали слабеть. Некоторые пошли в деревню, чтобы взять свои продукты. А гитлеровская банда заставила всех чистить картофель им для супа и греть воду для мытья самих немцев. Бандиты садились при всех в корыта, ванны, в тазы, собирали вошь, кидали на пол и мылись.

В щелях начались несчастные случаи с ребятами. У Кулаковой умер четырехдневный ребенок. Многие ребята сильно заболели и сейчас еще лежат в постелях.

Немцы продолжали отбирать у людей последнее, что было на них. В деревне Ялово загнали мужиков до 60 лет в лавку кооперации, сняли с них все валенки и стали примерять, кому какие налезут и понравятся, а мужикам бросили дрянные опорки и рваные галоши. В той же деревне всех женщин собрали и загнали в церковь, а дома все зажгли. Мужчин пытались увести с собой в тыл, но наша Красная Армия их отбила.

В деревне Клушино Яловского сельсовета при отступлении немцы зажгли все дома. Колхозников, пытавшихся тушить свои постройки, расстреливали из пулемета, не допускали. И все погорело.

После отступления гитлеровцев колхозники собрались, обсудили все и вынесли решение, как скорее все восстановить. Решили лучше работать, лучше трудиться.

Взяли на себя обязательство лучше подготовиться к весеннему севу. Норму выработки выполнять в два и три раза. Лучше подготовить сельскохозяйственный инвентарь. Стали приобретать семена.

Поглядели мы на издевательство над народом, перетерпели горе, голод, надругательство, которое несут фашисты. И наша жизнь при советской власти стала еще краше и дороже.

Мы, колхозники села Клушино, призываем всех колхозников и рабочих нашего Советского Союза лучше взяться за подготовку к весеннему севу. Призываем лучше взяться за выполнение всех планов. На фабриках и заводах, в колхозах и совхозах надо вместо двоих и троих работать одному, но с честью выполнять норму, чтобы нашу Красную Армию завалить продуктами, завалить снарядами, дать ей всего столько, сколько ей потребуется. Тогда мы скорее истребим, переведем всех врагов, которые напали на наш Советский Союз.

БЕСПОЩАДНО УНИЧТОЖАЙТЕ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Рассказ т. Курицыной из деревни Мисюрево, Известковского сельсовета, Клинского района, Московской области

Когда немцы пришли к нам в деревню, они сразу стали заниматься грабежом: забирали скот, хлеб, одежду, обувь — словом все, что попадалось под руку. Когда все ограбили, стали заставлять нас обслуживать их, — мой их, шей на них.

С детьми они плохо поступали. Зверски относились к ребятам. Ни стариков, ни детей — никого не щадили. Детей выгоняли на улицу. Всегда дети находились на улицах и в щелях. В деревне Грешниково у колхозницы Барановой ночью закричал ребенок. Гитлеровец схватил его и бросил на улицу, на мерзлую землю. Мать хотела его схватить, хоть разбитого, да поднять. Фашисты штыками задержали ее. Даже застывший трупик не дали матери. Изверги! На станции Клин 10-летний мальчик подо-

Тульская область, деревня Руднево. Все, что осталось от дома колхозник в Зеленовых. Отца и сына немецкие фашисты сожгли в хате, выбжавшую на улицу мать застрелили. Осталась одна мленькая девочка. На снимке: соседка Зеленовых откапывает останки сгоревших

шёл к немецкой машине, чтоб посмотреть на нее. Выскочивший немецкий солдат выколол ему глаза, а потом воткнул в грудь штык, приподнял и бросил. Когда об этом узнала мать, она побежала к сыну. Фашистская сволочь стала стрелять по ней из автомата.

Колхозницу Травкину из соседней с нами деревни повесили над ее домом. Пять человек у нее ребят. И пять суток висела повешенная, не велели ее снимать. Мы думали, что несчастные дети с ума сойдут от горя. Мороз, ветер качает труп и стучит им о дом. А в доме одни дети малые. Что они пережили в эти дни, сердяги!

Над стариками фашисты тоже издевались. Снимали

Похороны А. Ф. Зеленовой, убитой немецкими фашистами. У гроба дочь Зеленовой Маша

сапоги, шубы, шапки. Если сопротивлялись — убивали. Одного старика и старуху в колодезь кинули за то, что они не сказали, где председатель сельского совета живет.

А как издеваются над пленными! Как приходят в деревню, приводят пленных, а уходят — сжигают их. Мой дом, дом моих соседей сожгли с ранеными красноармейцами. Даже своих раненых солдат немцы сжигают. Входят они в деревню, забирают всех мужчин от 16 до 60 лет, уводят в тыл на сто километров. А при отступлении и этих пленных сожгли.

Гитлеровцы насильовали женщин, девушек. Кидали в щели, где укрывалось мирное население, гранаты, сжигали деревни, колхозные строения, сараи с сеном и амбары с семенами.

Какие же это солдаты? Это просто головорезы. Они и по виду не походят на солдат, а прямо на какие-то чучела. Одеты в шубы или в тулупы, на голову намотана какая-то тряпка. Если ребенок идет по улице, значит, стащат рейтузы с него, одевают себе на голову. Вот какая у них форма!

Это зверь, настолько нехороший человек, что он не понимает никаких слов, никаких убеждений. Бьет, колет, вешает, терзает, женщин насилует. У нас женщину изнасиловал, груди вырезал ей. Словом, столько преступлений... Наши люди, наше население столько пережило ужасов. Я не знаю, как мы остались живы.

При отступлении фашисты особенно зверствовали. Я была в убежище. Выбежали оттуда, смотрю — дом мой горит. А они подбегают к моему убежищу. С сына стащили сапоги, курточку и шапку. Пустили мальчика совершенно раздетого в снег. Я очень сильно кричала.

Вдруг слышу — кричат мои сын и дочь:

— Мама, идет наша армия!

Я, конечно, очень обрадовалась, что наша идет армия.

Бойцы помогли мне одеть и отогреть сына, а один командир разрезал свое одеяло, обернул сыну ноги, дал свою шапку. Мы собрались вокруг красноармейцев. Все приветствовали нашу Красную Армию! Очень рады были, что вступила наша Красная Армия.

14 декабря она нас освободила от немецких зверей.

Я прошу всех работников, работниц: вырабатывайте больше оружия, военной продукции, давайте больше доброкачественного товара и крепите нашу армию, чтобы бить фашистов, беспощадно уничтожать.

БУДЕМ МСТИТЬ ФАШИСТАМ

Письмо жены красноармейца Р. Белоцерковской

Мой муж с начала отечественной войны находится в рядах Красной Армии. Жив он сейчас или нет, я не знаю. Пусть если не он, так его боевые товарищи узнают, что сделали со мной, советской женщиной, фашистские изверги.

29 ноября 1941 года меня и двух моих детей посадили в керченскую тюрьму. Я была беременна, со дня на день должна была разрешиться от бремени и уже не могла ходить. Немецкие фашисты, ворвавшиеся в мою квартиру, видели это. Однако они не посчитались ни с чем. Пинками вытолкали меня в сенцы, бросили на дроги, туда же кинули двух моих детей, и через полчаса я очутилась в сырой камере, где уже было около 30 человек — мужчины, женщины, дети.

Здесь, в тюрьме, я родила ребенка. Когда соседка по камере начала оказывать мне помощь, немецкий охранник закричал:

— Прекратить, буду стрелять.

За все девять дней тюрьмы мне давали только соленые бычки, а детям моим — гнилую картошку. Нас мучила жажда. Сердце мое разрывалось, когда я видела, как дети умоляют немецкого часового дать им попить. Всякий раз, вместо того чтобы дать кружку воды, солдат нагло отвечал:

— Жить вам осталось недолго, проживете без воды. На девятый день мне приказали раздеться до нижнего белья, взять детей и следовать во двор.

На вопрос: «Куда вы меня ведете?» — немецкий солдат ответил пинком в живот. Вместе со мной вывели во двор еще нескольких женщин с детьми. Они тоже были раздеты и стояли на снегу босиком. Прикладами винтовок нас загнали в грузовик, поставили там на колени и строго-настрого

Семь тысяч мирных жителей расстреляли немецкие фашисты в Керчи.
Гитлеровцы не пощадили женщин, стариков, детей

запретили поднимать голову. В таком положении нас вывезли за город, где была открыта большая яма.

Когда всех нас выстроили возле ямы, нервы мои не выдержали. Я обняла детей и крикнула, обернувшись к немецким солдатам:

— Стреляйте, сволочи, скоро вам будет конец!

И в этот момент раздались выстрелы. Пуля попала мне в левую лопатку и вышла через шею. Я упала в яму, на меня упали две убитые женщины; я потеряла сознание.

Спустя некоторое время, пришла в себя и увидела рядом своих мертвых детей. Горе мое было так велико, что силы снова покинули меня. Лишь поздно вечером я очнулась. Крепко поцеловала детей и, высвободив свои ноги из-под трупов женщин, поползла в соседнюю деревню. На снегу оставались пятна крови. Почти через каждые десять метров я отдыхала.

Около полуночи меня подобрал старик-крестьянин. Он спрятал меня в своей хате под кровать и ухаживал за мной целую неделю, пока я немного окрепла. По соседству жили немецкие солдаты. Старик каждую минуту рисковал жизнью: он укрывал жену красноармейца, которая была расстреляна, но чудом уцелела.

Мне еще нет тридцати лет, а сейчас, после всех ужасов гитлеровской оккупации, я выгляжу старухой. Немцы умертвили трех моих детей, немецкая пуля оставила след на моем теле. Где найти слова, чтобы проклясть эту банду убийц, этих людоедов, пьющих кровь женщин и детей!

Дорогой мой муж, дорогие товарищи бойцы, будем мстить фашистам! Будем истреблять их всех до единого!

Р. Белоцерковская

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Грабят, насилюют, издеваются	3
Это не люди, а звери	5
Они не щадят никого	10
Они нас не считают за людей	11
Фашисты несут нам горе, голод, надругательства	15
Беспощадно уничтожайте немецких захватчиков	17
Будем мстить фашистам	21

Редактор *Т. Каневская*

Подписано в печать 14 августа 1942 г. Л77479:
Объем 1½ п. л. 30 000 зн. в 1 п. л. Тираж 100 000 экз.
Заказ № 673. Цена 15 коп.

3-я тип. «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Краснопролетарская, 16.

п. 53 г.

15 коп.